

УДК 303.024.3

Рязанов Д.С.¹, Яхьяева У.С.², Охрименко А.В.³

¹Дагестанский государственный технический университет

²Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

³Дагестанский институт экономики и политики

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ ТЕРРОРИЗМА¹

Аннотация. В статье поднимаются вопросы социально-экономических факторов возникновения терроризма, влияния этих процессов на экономическое развитие территорий. Авторами проведён обзорный анализ попыток установления связей различных факторов, таких как материальное благосостояние населения, уровень образования, урбанизации, террористической активности. Приводится ряд математических моделей, которые рассматриваются в качестве возможных механизмов прогнозирования динамики террористической активности или указывают на зависимость социально-экономических показателей от количества терактов, числа их жертв.

Ключевые слова: терроризм, факторы терроризма, последствия терроризма, влияние терроризма.

D. Ryazanov¹, U. Yahyaeva², A. Okhrimenko³

¹Daghestan State Technical University

²Rostov State University of Economics

³Daghestan Institute of Economics and Politics

ON THE ISSUE OF STUDYING THE SOCIAL ECONOMIC FACTORS OF TERRORISM

Abstract. The article deals with social economic factors of terrorism, as well as with the impact of terrorism on the economic development of the territories. The authors review attempts of different scientists to establish connections between various factors, such as: the material well-being of the population, education level, urbanization, and terrorist activity. Much attention is given to several mathematical models, which are regarded as possible mechanisms for predicting the dynamics of terrorist activity or indicators of social economic indices dependency on the number of terrorist attacks, or their victims.

Key words: terrorism, factors of terrorism, effects of terrorism, impact of terrorism.

¹ Статья выполнена в рамках реализации гранта РГНФ № 15-37-01201 («Терроризм на постсоветском пространстве, 1991–2014 годы»).

Одной из наиболее часто обсуждаемых проблем современности является терроризм, который за несколько десятилетий превратился из локального явления в проблему транснационального масштаба. Подобная трансформация не могла остаться без внимания научного сообщества. На протяжении последних лет неизменно возрастает исследовательский интерес к проблематике терроризма, его роли и значения в политическом процессе, выявлению направлений контртеррористической политики, а также установлению причинно-следственных связей террористической активности и иных аспектов социальной реальности.

О важности изучения терроризма свидетельствует то обстоятельство, что в каталог Библиотеки Конгресса США включены около 8 тысяч материалов, содержащих в названии такие термины, как «терроризм» и «террорист», в библиотеке Кембриджского университета имеется свыше 10 тысяч только печатных книг по данной проблеме. По нашим подсчётам, за 1993–2014 гг. в России по подобной тематике было защищено 112 диссертационных работ.

В то же время динамизм современных политических процессов, изменчивость и многообразие проявлений терроризма не позволяют говорить о достаточном уровне исследованности проблемы, так же как и о равномерности внимания учёных к различным аспектам рассмотрения столь многогранной и противоречивой темы.

Весьма рельефно последнее обстоятельство проступает в случае с вопросом о социально-экономических процессах, коррелирующих с терроризмом (среди них в работах называются низкий уровень жизни, бедность, значительная имущественная дифференциация, безработица и пр.). Подобные утверждения превратились, по сути, в общие места, и доказывать их апелляцией к доводам «здравого смысла» едва ли верно.

Данное замечание справедливо для российских исследователей, в большинстве случаев акцентирующих своё внимание на криминологических и правовых аспектах терроризма, его медийном отражении, идеологическом характере, геополитическом значении, но сторонящихся анализа социально-экономических характеристик, присущих обществам, превращающимся в арену террористической активности.

Определённое исключение, лишь подтверждающее справедливость приведённого замечания, представляет ряд работ, направленных на осмысление терроризма на Северном Кавказе как одного из следствий трансформации традиционного общества в ходе модернизации [см., например, 2; 4; 5].

Однако произведённый в подобных исследованиях глубокий анализ северокавказского общества, оставаясь в рамках институционального подхода и модернизационной парадигмы, достаточно последовательно выстраивающий цепь причинности социальных процессов, вызывает ряд вопросов. С

одной стороны, постоянно обращаясь к социально-экономическим процессам, в полной мере не поддающимся статистическому учёту (как, например, «теневая экономика», функциональность институтов, конкуренция юрисдикций и пр.), исследователи, не предлагая собственных методов оценки указанных явлений, не имеют возможности в полной мере обосновать свои построения с помощью количественных показателей и превращают модернизацию в некую *causa sui*, всеобъясняющую, но необъяснимую. С другой стороны, несмотря на влияние взглядов ряда зарубежных авторов (в частности, Эрнандо де Сото, пытавшегося осуществить экономический анализ предпосылок терроризма в Перу и выработать систему в первую очередь экономических мер, способных минимизировать подобную деструктивную активность [3]), российские исследователи, очевидно, не ставят перед собой задачи сравнения полученных на уровне Северного Кавказа обобщений с данными иных кросснациональных исследований, делая полученные обобщения интересными, но всё же достаточно частными наблюдениями.

Преодоление указанной проблемы возможно посредством реализации междисциплинарного подхода, способного интегрировать наработки различных направлений социально-гуманитарного знания для объяснения феномена терроризма, выявления его корней, форм влияния на социальные процессы. Сложившаяся ситуация делает востребованным синтез политических и экономических дисциплин, в рамках которых на протяжении многих лет осуществляются параллельные попытки по выстраиванию цепей причинности террористической активности и иных социально-экономических процессов.

Целью данной работы является анализ имеющихся в зарубежном обществоведении подходов к изучению социально-экономических факторов терроризма, его влияния на экономические процессы, а также обобщение полученных исследователями результатов.

Наиболее заметное место среди исследований данного рода занимают разработки, предусматривающие применение статистического инструментария к решению подобных исследовательских задач, ранние образцы которых, появившись в 1970-х гг. и получив множество последователей в 2000-х гг., по настоящий день привлекли внимание лишь достаточно ограниченного числа отечественных исследователей [1]. Пионерским в отечественной науке по широте и качеству обращения к электронным базам данных терроризма стало защищённое в 2015 г. диссертационное исследование И.П. Супрунчука. Автор, осуществляя полимасштабный пространственно-временной анализ террористической деятельности, применяя картографический метод, метод ранжирования, корреляционный анализ, тем не менее, останавливается перед задачей создания модели, позволяющей объяснить

причины, импульсы фиксируемой исследователем динамики и региональную дисперсность терроризма [6].

Одной из первых работ, в которых конкретная разновидность террористической активности анализировалась в терминах теории рационального выбора, явилась статья У.М. Ландеса (впоследствии профессор-эмерит Университета Чикаго) «Экономическое исследование захватов самолётов в США, 1960–1976 гг.» [27]. У.М. Ландес, рассматривая террористов как рациональных акторов, делает предположение, что в основе выбора между законной и незаконной деятельностью лежит стремление к максимизации ожидаемой полезности. Посредством адаптации модели полезности к данному виду терроризма выводится формула полезности угона самолёта из страны i в страну j (i и j могут совпадать):

$$\bar{U} = (1 - P_a)U(W_j) + P_a P_c U(W_i - S) + P_a(1 - P_c)U(W_i - C),$$

где P_a равняется оценке правонарушителем вероятности задержания, P_c представляет собой вероятность осуждения судом и заключения в места лишения свободы, W_j и W_i – материальные активы злоумышленника (включая денежный эквивалент нематериальных доходов) в странах i и j соответственно. S – денежный эквивалент отбывания заключения в i , C – денежный эквивалент затрат, связанных с досудебным арестом (в том числе плата адвокатам, внесение залога, пр.). Пусть $U = U(W_j)$ обозначает полезность, существующую в отсутствие реализации попыток захвата самолёта. Потенциальный преступник совершит или откажется от совершения деяния в зависимости от того, что больше: U или \bar{U} .

По результатам проведённых исследований автор не только смог показать, что «увеличение вероятности задержания, условной вероятности вынесения обвинительного приговора связаны со значительным сокращением авиационных угонов в период с 1961 до 1976 гг.», но и пришёл к выводу о завышенном объёме затрат на безопасность, выросших с 3,24 до 9,25 млн долл. США в расчёте на один теракт.

Несмотря на вызывающие вопросы методологические основания исследования, в первую очередь, попытки редукции целей террористов исключительно к неким монетарным величинам, а также однозначность решения проблемы критериев рациональности террористов, подход, продемонстрированный Ландесом, нашёл достаточное число как продолжателей, так и критиков.

Наиболее яркими преемниками описанных взглядов У.М. Ландеса явились американские ученые Уолтер Эндерс и Тодд Сандлер, которые, в отличие от Ландеса, в качестве эмпирической основы использовали базы данных терроризма «International Terrorism: Attributes of Terrorist Events»

(ITERATE), «Global Terrorism Database» (GTD), а также ряд ресурсов, созданных корпорацией «РЭНД». Это способствовало значительному расширению фокуса внимания исследователей.

У. Эндерс и Т. Сандлер, проанализировав выводы Ландеса и сопоставив их с основными трендами терроризма, посредством векторной авторегрессии доказали, что позитивно оцененные в прошлом меры по борьбе с угонами самолётов привели к значительному росту других видов террористической активности, в частности увеличению числа случаев взятия заложников в местах, не оборудованных специальными системами защиты [17].

В более ранних своих статьях указанные авторы проделали анализ влияния терроризма на ряд частных аспектов экономической жизни. В целях выявления влияния террористической активности на туристическую отрасль стран, ставших жертвами терроризма, был использован анализ временных рядов. Для этой задачи применялся анализ передаточной функции, который исследователи использовали при оценке ситуации в туристической отрасли Испании:

$$y_t = a_0 + b_1 y_{t-1} + c_0 x_t + \varepsilon_t,$$

где y_t – число туристов, посетивших Испанию, x_t – число террористических атак, ε_t – величина погрешности; переменные приводятся в момент времени t .

Имея показатели за несколько лет, можно вычислить оставшиеся коэффициенты – a_0 , b_1 , c_0 . Исследователи отмечают, что эти показатели вычисляются индивидуально для каждой страны.

Из уравнения вытекает, что, в первую очередь, туристический поток зависит от количества туристов в прошлом году, но немаловажным является и число террористических актов (или же их отсутствие). Так, например, при отрицательном коэффициенте c_0 можно говорить о негативном влиянии террористической активности на отрасль. Кроме того, формула позволяет спрогнозировать поток туристов при полном отсутствии террористических событий (т.е. $x_t = 0$). Разница между таким контрафактическим значением и актуальным y_t позволит оценить влияние терроризма на сферу туризма.

На основе анализа террористической активности ЭТА за 1970–1991 гг. У. Эндерс и Т. Сандлер посчитали, что каждый теракт вызывал сокращение туристического потока примерно на 140 тыс. человек [15]. В другой работе посредством применения анализа авторегрессионного интегрированного скользящего среднего (ARIMA) для изучения влияния терроризма на туристическую отрасль ряда стран за период 1974–1988 гг. исследователи считали, что потери (в СПЗ – специальных правах заимствования) составили для Австрии 3,37 млрд, Италии – 861 млрд, Греции – 472 млн. Авторы

также показали, что часть недополученных доходов ушла из европейских стран в более безопасную Северную Америку [20].

Исследуя корреляцию террористической активности и объёма прямых иностранных инвестиций, У. Эндерс и Т. Сандлер на основе описанной методологии подсчитали, что терроризм обусловил сокращение инвестиций в случае Испании на 13,5 %, Греции – 11,9 %. Причём кросснациональный анализ показал, что для крупных экономик фактор терроризма значительной роли практически не играет [18].

Подобные исследования заложили основы направления научного исследования, акцентирующего внимание на воздействии терроризма на экономику. Со временем возник целый ряд работ, посвящённых выявлению корреляции между терроризмом и динамикой макроэкономических показателей. Однако имеющиеся расчёты показывают, что даже масштабные теракты пока не могут непосредственно повлечь за собой значительные потери объёма валового внутреннего продукта (ВВП). Например, ущерб от теракта 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке, согласно оценкам, составил около 0,8–0,9 % ВВП США [26], терактов в Мадриде 11 марта 2004 г. – около 0,03 % ВВП Испании [10].

Хотя некоторые авторы отмечают, что экономическими последствиями может быть снижение уровня ВВП или уменьшение динамики его роста (например, потери до 10 % ВВП в пересчёте на душу населения в Баскском регионе Испании [7] или сокращение на 2 % ВВП на душу населения в Израиле [14]), но крупные межнациональные исследования наличие связи выявить не смогли [8; 23; 30].

Оценивая силу воздействия терроризма, исследователи приходят к выводу, что она ниже, чем у межгосударственных или гражданских войн [8], стихийных бедствий [30]. Хотя высокая интенсивность терроризма и длительное наличие его проявлений [14], их концентрация в определённом регионе [7] могут вызвать последствия, что в первую очередь касается развивающихся стран с небольшим объёмом экономики [19; 21], а также стран с высоким уровнем бедности [8].

Другое научное направление формируют работы, направленные на выявление причин терроризма. Опыт обоснования того, что экономическая дискриминация, ущемление религиозных прав, националистические мотивы, религиозный фундаментализм могут вызывать террористическую реакцию со стороны маргинализируемых групп, содержится в работе П. Уилкинсона (1986 г.), аргументирующего свои тезисы расчётами по базе данных «РЭНД» [31].

Однако в дальнейшем некоторые из тезисов, получивших значительное распространение, не нашли своего эмпирического подтверждения. В

частности, исследование А.Б. Крюгера и Ю. Малесковой установило отсутствие тесной связи между экономическими возможностями и терроризмом (также как и в работе Дж.А. Пиатца [28]), а также обнаружило, что низкий уровень дохода не коррелирует с терроризмом в условиях надлежащего обеспечения реализации гражданских и политических прав [24]. У. Эндерс и Г.А. Хувер [16] доказывали нелинейность корреляции между уровнем дохода и поддержкой терроризма, отмечая, что террористами становятся граждане, имеющие средние доходы [11]. Также не нашли достаточного обоснования гипотезы о наличии прямой корреляции между терроризмом и урбанизацией [12], между терроризмом и уровнем грамотности и школьного образования [9; 25], индексом детской смертности и ожидаемой продолжительностью жизни [13].

Многочисленность исследований корней терроризма обусловила необходимость их обзора и типологизации, что и было сделано профессором Швейцарского экономического института в Цюрихе Мартином Газебнером и профессором Университета Люцерны Симоном Лючингером. Авторы выбрали иной подход к рассматриваемой проблеме и обнаружили ряд интересных обстоятельств.

В основе работы М. Газебнера и С. Лючингера лежит метод анализа предельных границ, общая форма уравнения которого приводится в следующем виде:

$$Y = \beta_M M + \beta_F F + \beta_Z Z + v$$

где Y – зависимая переменная, M – вектор «общепринятых» объясняющих переменных и F – вектор, содержащий искомые переменные. Вектор Z содержит до 3 возможных дополнительных переменных, которые, в соответствии с обширной литературой, связаны с зависимой переменной, v – остаточный член. Метод анализа предельных границ, проверяющий переменную F , утверждает, что, если нижний уровень предельной границы для β_F , то есть наименьшее для β_F минус два стандартных отклонения, отрицателен, в то время как верхний уровень предельной границы для β_F , то есть наибольшее значение β_F плюс два стандартных отклонения, – положительно, тогда переменная F не имеет тесной связи с Y . Это по существу означает, что все коэффициенты всех регрессий должны быть статистически значимы для коэффициентов того же знака.

По результатам регрессионного анализа по 65 переменным с одновременным использованием показателей трёх крупных баз данных терроризма – ITERATE, GTD, ресурсов Мемориального института для предотвращения терроризма (MIPT) – исследователи пришли к следующим выводам. Для стран, являющихся жертвами терактов, объём ВВП на душу населения, чис-

ленность населения, наличие войн, религиозных и этнических конфликтов представляют собой положительные детерминанты терактов, в то время как обеспечение экономических свобод и прав человека являются негативными детерминантами этих атак. В странах, в которых терроризм слабо себя проявляет, экономические свободы и права человека также оказывают негативное влияние на терроризм, тогда как численность населения, объём военных расходов, зарубежных портфельных инвестиций, а также политическая близость с США (определяемая по показателям голосования на заседаниях Генеральной Ассамблеи ООН) коррелируют с показателями терроризма. В числе детерминант терроризма исследование также выявило унитаристские тенденции правительственного курса [22].

Обобщение различных исследований позволило осмыслить сформировавшиеся подходы к изучению данной темы и сформулировать ряд новых перспективных гипотез. Плодотворное влияние на результативность исследовательских проектов оказал отдельный подсчёт и соотнесение показателей для международного и внутригосударственного терроризма. В частности, аргументировался тезис о различных причинах международного и внутригосударственного терроризма, для первого из которых более вероятной причинной можно назвать принятие тех или иных внешнеполитических решений [29].

Учёным также удалось выявить, что и влияние видов терроризма на разные секторы экономики может различаться: в то время как транснациональный терроризм оказывает влияние на туризм, прямые иностранные инвестиции и торговлю [19], внутригосударственный – на экономику отдельных регионов внутри страны [7].

Анализ большого пути, проделанного за десятилетия учёными, работающими над установлением статистически обоснованных связей терроризма и экономических процессов, позволяет сделать ряд обобщений:

1) с течением времени произошло значительное расширение масштаба исследований: от нескольких величин до десятков и сотен переменных при сохранении гегемонии методов регрессионного анализа;

2) рост используемых переменных в значительной степени обусловлен внедрением электронных баз данных терроризма, а также аналогичных форм хранения социально-экономических показателей;

3) в качестве одного из направлений трансформации исследований выступает внедрение числовых показателей оценки различных социальных процессов (коэффициентов, индексов, рангов), которые до относительно недавнего времени считались не поддающимися измерению (централизация управления, реализация экономических свобод и пр.);

4) перспективным направлением дальнейших исследований проблема-

тики выступает установление более чёткого соотношения видов терроризма на основе региональных, идеологических и других характеристик, которые могут находить проявление и в социально-экономическом контексте данных явлений.

Анализ теоретических подходов к изучению терроризма должен способствовать углублению теоретической проработки данной проблематики, уберечь исследователей от повторения научных маршрутов, ранее пройденных другими учёными, помочь выявлению новых ориентиров научного поиска в работе по формированию последовательной теории терроризма, которая едва ли может быть создана без учёта социально-экономических факторов.

Литература:

1. *Рязанов Д.С.* Бедность и безработица как факторы терроризма // *Полития*. 2011. № 4. С. 104–111.
2. Северный Кавказ: модернизационный вызов / *И.В. Стародубровская* и др. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2011. 328 с.
3. *Soto Э. де.* Иной путь: Экономический ответ терроризму / пер. с англ. Б. Пинскера. Челябинск: Социум, 2008. 408 с.
4. *Стародубровская И.В.* Неформальные институты и радикальные идеологии в условиях институциональной трансформации // *Экономическая политика*. 2015. №3. С. 68–88.
5. *Стародубровская И.В., Соколов Д.В.* Истоки конфликтов на Северном Кавказе: монография. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2013. 280 с.
6. *Супрунчук И.П.* Полимасштабный пространственно-временной анализ террористической деятельности: дисс. ... канд. геогр. наук. Ставрополь, 2015. 193 с.
7. *Abadie A., Gardeazabal J.* The economic costs of conflict: A case study of the Basque Country // *American Economic Review*. 2003. Vol. 93. № 1. 113–132 pp.
8. *Blomberg B., Hess G., Orphanides A.* The macroeconomic consequences of terrorism // *Journal of Monetary Economics*. 2004. № 51. 1007–1032 pp.
9. *Blomberg B., Hess G.* The Lexus and the olive branch: Globalization, democratization and terrorism // *Terrorism, economic development, and political openness*. Cambridge: Cambridge University Press., 2008. 116–147 pp.
10. *Busea M., Valino A., Heijs J., Baumort T., Gomez J.G.* The economic cost of March 11: Measuring the direct economic cost of the terrorist attack on March 11, 2004 in Madrid // *Terrorism and Political Violence*. 2007. Vol. 19. Iss. 4. 489–509 pp.
11. *Calle L., de la, Sanchez-Cuenca I.* Rebels without a territory: An analysis of non-territorial conflicts in the world, 1970–1997 // *Journal of Conflict Resolution*. 2012. Vol. 56. № 4. 580–603 pp.
12. *Crenshaw M.* The causes of terrorism // *Comparative Politics*. 1981. Vol. 13. № 4. 379–399 pp.
13. *Drakos K., Gofas A.* In search of the average transnational terrorist attack venue // *Defence and Peace Economics*. 2006. Vol. 17. Iss. 2. 73–93 pp.

14. *Eckstein Z., Tsiddon D.* Macroeconomic Consequences of Terror: Theory and the Case of Israel // *Journal of Monetary Economics*. 2004. *Journal of Monetary Economics*. 2004. Vol. 51. Iss. 5. 971–1002 pp.

15. *Enders W., Sandler T.* Causality between Transnational Terrorism and Tourism: The Case of Spain // *Terrorism*. 1991. Vol. 14. Iss. 1. 49–58 pp.

16. *Enders W., Hoover G.A.* The nonlinear relationship between terrorism and poverty // *American Economic Review*. 2012. Vol. 102. Iss. 3. 267–272 pp.

17. *Enders W., Sandler T.* The effectiveness of anti-terrorism policies: A vector-autoregression-intervention analysis // *American Political Science Review*. 1993. Vol. 87. № 4. 829–844 pp.

18. *Enders W., Sandler T.* Terrorism and Foreign Direct Investment in Spain and Greece // *Kyklos*. 1996. Vol. 49. Iss. 3. 331–352 pp.

19. *Enders W., Sandler T.* *The Political Economy of Terrorism*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 362 p.

20. *Enders W., Sandler T., Parise G.F.* An Econometric Analysis of the Impact of Terrorism on Tourism // *Kyklos*. 1992. Vol. 45. Iss. 4. 531–554 pp.

21. *Gaibullov K., Sandler T.* The adverse effect of transnational and domestic terrorism on growth in Africa // *Journal of Peace Research*. 2011. Vol. 48. № 3. 355–371 pp.

22. *Gassebner M., Luechinger S.* Lock, stock, and barrel: A comprehensive assessment of the determinants of terror // *Public Choice*. 2011. Vol. 149. Iss. 3–4. 235–261 pp.

23. *Gupta S., Clements B., Bhattacharya R., Chakravarti S.* Fiscal Consequences of Armed Conflict and Terrorism in Low- and Middle-Income Countries // *European Journal of Political Economy*. 2004. Vol. 20. Iss. 2. 403–421 pp.

24. *Krueger A., Maleckova J.* Education, poverty, and terrorism: Is there a causal connection // *Journal of Economic Perspectives*. 2003. Vol. 17. № 4. 119–144 pp.

25. *Kurrild-Klitgaard P., Justesen M.K., Klemmensen R.* The political economy of freedom, democracy and transnational terrorism // *Public Choice*. 2006. Vol. 128. Iss. 1–2. 289–315 pp.

26. *Kunreuther H., Michel-Kerjan E., Porter B.* Assessing managing and financing extreme events: Dealing with terrorism. Working Paper 10179. Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research. 2003.

27. *Landes W.* An Economic Study of U.S. Aircraft Hijackings, 1961–1976 // *Journal of Law and Economics*. 1978. Vol. 21. № 1. 1–31 pp.

28. *Piazza J.A.* Rooted in poverty? Terrorism, poor economic development, and social cleavages // *Terrorism and Political Violence*. 2006. Vol. 18. Iss. 1. 159–177 pp.

29. *Savun B., Phillips B.J.* Democracy, foreign policy, and terrorism // *Journal of Conflict Resolution*. 2009. Vol. 53. № 6. P. 878–904.

30. *Tavares J.* The Open Society Assesses Its Enemies: Shocks, Disasters and Terrorist Attacks // *Journal of Monetary Economics*. 2004. Vol. 51. № 5. 1039–1070 pp.

31. *Wilkinson P.* *Terrorism versus democracy: the liberal state response*. L.: Frank Cass, 2001. 255 p.